

МИГРАНТЫ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ: ЕСТЬ ЛИ УГРОЗА ДЛЯ КАЗАХСТАНА?

Эржан Исабаев^{1*}
Ирина Стародубровская²

^{1*} Профессор Университета Нархоз, кандидат философских наук; Алматы, Казахстан, e-mail: erzhan.issabayev@narhoz.kz

² Профессор Университета Нархоз, кандидат экономических наук; Алматы, Казахстан, e-mail: irina.starodubrovskaya@narhoz.kz, ORCID 0000-0002-7073-5905

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.004>

Аннотация. В статье анализируется внутренняя и внешняя миграция в города, проблемы адаптации и аккультурации мигрантов, а также социальные риски, связанные с этими процессами. На основе современных теорий сегментной ассимиляции, радикализации, мигрантских анклавов, а также результатов собственных полевых исследований на постсоветском пространстве авторы выделяют несколько возможных моделей встраивания мигрантов в города, характеризующихся разным уровнем рисков. Часть мигрантов 2-3 поколения в западноевропейских городах испытывает дискриминацию и отчуждение от культуры принимающего общества, проживая в мигрантских анклавах, жители которых стигматизируются. В таких условиях риски распространения протестных контр-культур и радикализации высоки. Аналогичные проблемы характерны для городов массовой урбанизации, где подрываются основы городской культуры и возникает социальный хаос. Подобные примеры показывают, что социальные риски характерны не только для внешней, но и для внутренней миграции. Наконец, есть примеры более гармоничного вписывания мигрантов в городскую культуру, что происходит в отсутствие системной дискриминации и при наличии возможностей вертикальной мобильности, связанных с образованием и карьерой. Предварительные результаты исследования одного из районов Алматы демонстрируют, что среди мигрантов и их детей широко распространена ориентация на вертикальную мобильность, они позитивно воспринимают город и видят здесь для себя перспективы. В подобных условиях контр-культуры могут играть лишь маргинальную роль.

Ключевые слова: миграция, урбанизация, мигрантские анклав, радикализация, сегментная ассимиляция, Алматы.

МИГРАНТТАР МЕН РАДИКАЛДАНУ: ҚАЗАҚСТАНҒА ҚАУІП БАР МА?

Эржан Исабаев^{1*}, Ирина Стародубровская²

^{1*}Нархоз университетінің профессоры, философия ғылымдарының кандидаты; Алматы, Қазақстан, e-mail: erzhan.issabayev@narхоз.kz

²Нархоз университетінің профессоры, экономика ғылымдарының кандидаты; Алматы, Қазақстан, e-mail: irina.starodubrovskaya@narхоз.kz, ORCID: 0000-0002-7073-5905

Аңдатпа. Мақалада қалаларға ішкі және сыртқы көші-қон, мигранттардың бейімделуі мен аккумуляциясы мәселелері, сондай-ақ осы үдерістерге байланысты әлеуметтік тәуекелдер талданады. Сегменттік ассимиляция, радикализация, мигранттық анклавтар туралы заманауи теорияларға және посткеңестік кеңістіктегі авторлардың далалық зерттеулерінің нәтижелеріне сүйене отырып, қалаларға мигранттардың түрлі деңгейдегі тәуекелдермен сипатталатын бірнеше ықтимал кірігу үлгілері айқындалады. Батыс Еуропа қалаларындағы 2–3 ұрпақ мигранттарының бір бөлігі мигранттық анклавтарда тұрып, қабылдаушы қоғам мәдениетінен алшақтайды және кемсітушілікке ұшырайды, мұндағы тұрғындар стигматизацияланады. Мұндай жағдайда қарсылық білдіретін контрмәдениеттер мен радикализацияның таралу қаупі жоғары. Ұқсас мәселелер жаппай урбанизация жүріп жатқан қалаларға да тән, мұнда қалалық мәдениеттің негіздері шайқалып, әлеуметтік хаос пайда болады. Мұндай мысалдар әлеуметтік тәуекелдер тек сыртқы ғана емес, ішкі көші-қонға да тән екенін көрсетеді. Ақырында, жүйелі кемсітушілік болмаған және білім мен мансапқа байланысты тік мобильділік мүмкіндіктері болған жағдайда, мигранттардың қалалық мәдениетке неғұрлым үйлесімді кірігу мысалдары да бар. Алматының бір ауданында жүргізілген зерттеудің алдын ала нәтижелері мигранттар мен олардың балалары арасында тік мобильділікке ұмтылыс кеңінен таралғанын, олардың қаланы оң қабылдап, өздеріне болашақ көреді дегенді көрсетеді. Мұндай жағдайда контрмәдениеттер тек маргиналды рөл атқарады..

Түйін сөздер: көші-қон, урбанизация, мигранттық анклавтар, радикализация, сегменттік ассимиляция, Алматы

MIGRANTS AND RADICALIZATION: IS THERE A THREAT TO KAZAKHSTAN?

Erzhan Issabayev^{1*}, Irina Starodubrovskaya²

¹*Professor of Narxoz University, Candidate of Philosophical Sciences; Almaty, Kazakhstan, e-mail: erzhan.issabayev@narxoz.kz

² Professor of Narxoz University, Candidate of Economic Sciences; Almaty, Kazakhstan, e-mail: irina.starodubrovskaya@narxoz.kz, ORCID: 0000-0002-7073-5905

Abstract. The article analyses external and internal migration to cities, problems of migrants' adaptation and acculturation as well as social risks associated with these processes. On the basis of modern theories of segmented assimilation, radicalisation and migrant enclaves and the results of the authors' fieldwork in cities on post-soviet space several possible models of migrants' adaptation with different risks levels were identified. Part of the second and third generation of migrants in West European cities feel discrimination and alienation from cultural mainstream of a host society living in migrant enclaves whose residents are stigmatised. Risks of counter-cultures and radicalisation in such conditions are high. The same problems are typical for the cities of mass urbanisation where the basics of urban culture are eroded and social chaos emerges. Such examples demonstrate that social risks are common both for external and internal migration. However, there are examples of less problematic migrants' integration into urban culture happening if migrants feel no systemic discrimination and there are perspectives of vertical mobility through education and professional achievements open for them. Preliminary results of field research in one of the Almaty districts demonstrate that orientation to vertical mobility is widespread among migrants and their children, that they feel positively about the city and see their future here. In such conditions counter-cultures can play only marginal role.

Keywords: *migration, urbanisation, migrant enclaves, radicalisation, segmented assimilation, Almaty*

Введение

Активное социальное и экономическое развитие Казахстана провоцирует масштабные миграционные процессы, в первую очередь из сел в города. В Послании президента страны от 8 сентября 2025 года отмечалось, что крупные города являются местом притяжения для внутренней и внешней миграции [1]. Исторический опыт показывает, что последствия подобной миграции могут быть многообразны. С одной стороны, она создает предпосылки для ускорения экономического роста и социального развития. Многие известные в мире «экономические чудеса» происходили как раз в периоды массового движения населения из сел в города. С другой стороны, подобные пространственные трансформации нередко сопровождаются серьезными инфраструктурными дисбалансами, а также социальными катаклизмами, острыми культурными конфликтами, создающими серьезные проблемы для территорий интенсивной урбанизации.

В последние несколько десятилетий и особенно после миграционного кризиса 2015-2016 годов данные проблемы привлекают внимание ученых преимущественно в связи с масштабной иммиграцией в Европу, в первую

очередь из стран Глобального Юга. Хотя отмечается, что приток рабочей силы необходим европейским странам в связи со старением населения, основное внимание обращается на негативные последствия подобной миграции, среди которых нежелание интегрироваться и формирование «параллельных обществ», как и радикализация и терроризм, выступают на первый план. Причем наибольшую озабоченность вызывают две группы мигрантов: с одной стороны, второе и третье поколения трудовых мигрантов, социализация которых проходила уже в принимающем обществе, с другой - беженцы из конфликтных зон, резко и вынуждено сменившие место жительства.

Возникает вопрос: насколько интенсивные миграционные процессы в Казахстане связаны с аналогичными рисками? Можно ли считать, что мигранты формируют особую культурную среду, испытывая отчуждение от доминирующей в городах культуры, и это чревато угрозой радикализации? Дискуссии по этой проблеме посвящена данная статья.

Теоретические и методологические подходы к исследованию

Феномен инокультурных мигрантов в западных странах и проблематика их адаптации и аккультурации так или иначе осмыслились в академических работах. Наибольший интерес в данном контексте представляет теория сегментной ассимиляции, выдвинутая американскими исследователями [2, 3, 4]. Основная идея данной теории состоит в том, что мигранты второго-третьего поколений не обязательно вписываются в доминирующую культуру принимающего общества, но могут встраиваться и в другие ее сегменты. Для них были обозначены три возможные жизненные траектории:

1) Вертикальная мобильность на основе ориентации на образование и карьеру, вписывание в культурный мейнстрим принимающего общества. Последующие исследования показали, что эта модель не всегда означает полноценное включение в средний класс - дискриминация приводит к тому, что, даже достигая экономического положения среднего класса, мигранты могут оставаться обособленной культурной группой [5].

2) Включенность в мигрантское этническое сообщество, выстраивание жизненных стратегий в его рамках. В отличие от более ранних теорий, сейчас считается, что подобная модель, не предусматривающая серьезной интеграции в принимающее общество, может быть вполне успешной.

3) Вписанность в протестные контр-культуры. Изначально считалось, что это должны быть контр-культуры принимающего общества, однако в дальнейшем было продемонстрировано, что они могут формироваться более сложным образом [6].

В подобной логике Йорген Нильсен, например, описывает стратегии европейских мусульман. Он выделяет две интеграционные стратегии, одна из которых связана с встраиванием лишь в экономические структуры принимающего общества, другая же включает активный культурный поиск ответа на вопрос: как быть мусульманином в новой культурной среде и при этом принимать конструктивное участие в жизни страны пребывания. Стратегия сепарации в его понимании также двойственна: она

может предусматривать как опору на семейные и клановые сети в рамках мигрантского сообщества, предусматривающую подчинение его нормам, так и активную общественную деятельность в направлении признания права на культурную специфику мусульман без стремления к интеграции в стране проживания. Наконец, мусульмане могут вписываться в криминальные либо исламские радикальные контр-культуры [7].

Привлекательность радикального ислама для второго и последующих поколений мигрантов продемонстрировал в своих работах, в частности, французский исследователь Оливье Руа [8]. Эти поколения отрываются от культурных корней, которые важны для первого поколения мигрантов, их не привлекает культурно специфичный ислам отцов. Глобальность и декультурация фундаменталистского ислама оказываются более соответствующими специфике их культурных запросов. При этом радикальный ислам выступает как протестная идеология, позволяющая выразить неудовлетворенность условиями жизни и дискриминацией, которую испытывают люди с миграционным прошлым. По мнению Руа, более правильно говорить не о радикализации ислама, а об исламизации протеста.

Ряд европейских исследований посвящены тому, как трансформируются исламские взгляды у разных поколений мигрантов. Так, Вернер Шиффауэр на примере турецких мигрантов в Германии показывает, что первое поколение мусульман-мигрантов сосредоточено на сохранении и защите их собственных ценностей в чуждой культурной среде и погружено в религиозную повестку отправляющего общества. Для последующих поколений повестка меняется - в ее центре оказывается проблематика борьбы за признание со стороны принимающего общества. Здесь возможны три варианта позиционирования мусульман:

- борьба за равенство: эта группа мусульман в целом воспринимает европейские ценности, склоняется к либеральным исламским взглядам, но дискриминация и исламофобия мешают ее интеграции в европейское общество;
- борьба за право на культурные отличия: речь идет о признании ислама со всеми его атрибутами - мечетями, хиджабами, диетическими ограничениями - легитимным для Европы выбором жизненного пути; данной группе свойственна коллективная солидарность, а также ориентация на консервативный и легалистский ислам;
- отрицание борьбы за признание: в рамках подобной системы взглядов стремление к признанию со стороны отвергающего мусульман европейского общества рассматривается как капитуляция; радикальные варианты ислама характерны именно для этой ультра-ортодоксальной группы, они могут выступать в двух формах - революционной и мирной.

При этом Шиффауэр отмечает, что отчуждение и дискриминация, показывая безрезультатность борьбы за признание, укрепляют позиции радикалов [9].

Особое внимание исследователи обращают на феномен неблагополучных районов с повышенной концентрацией мигрантов (в популярной литературе нередко называемых «мигрантскими гетто»), хотя ученые основ-

ном отвергают обоснованность использования данного термина). Именно в подобных районах, где мало возможностей получить хорошее образование и продвинуться в жизни, создаются благоприятные условия для формирования протестных контр-культур, в том числе радикальной исламской. Наиболее известен феномен таких районов во Франции, однако они возникают и в других крупных европейских городах. Естественной основой их формирования становится дешевизна жилья и нежелание местных жить рядом с мигрантами, что стимулирует переезд первых или их изначальное нежелание покупать жилье в подобном районе, что получило в литературе название white (ethnic) avoidance или white (ethnic) flight [10, 11]. Государственная политика также играет немалую роль в формировании системы расселения мигрантов. При этом исследователи отмечают, что населенные мигрантами районы не являются чисто «мигрантскими», они характеризуются смешанным населением, имеющим общие социально-экономические характеристики. Во Франции, в частности, они во многом совпадают с территориями застойной бедности. При этом сама принадлежность к подобным районам делает человека подозрительным и становится стигматизирующим фактором, препятствующим карьере и вертикальной мобильности [12, 13].

На исследование вопросов, связанных с исламской радикализацией, оказывает влияние толкование данного термина, которое является неоднозначным. Под радикализмом может пониматься существенное отклонение ценностных установок, ориентиров и образа жизни индивида от доминирующих в том или ином обществе. В этом случае радикализация не означает обязательную вовлеченность в насильственные практики. Другая трактовка непосредственно связывает радикализацию с идеологически и религиозно мотивированным насилием, что смещает акценты в анализе этого феномена по сравнению с первым вариантом [14].

Рассмотренные выше подходы к анализу проблематики адаптации мигрантов и формирования предпосылок исламской радикализации в их среде формируют теоретическую рамку настоящей работы, в основе которой лежат следующие положения:

- мигранты и их потомки характеризуются разными жизненными траекториями, меню основных жизненных стратегий включает в себя: вертикальную мобильность на основе образования и карьеры; самореализацию в рамках этнического сообщества; вписывание в протестные контр-культуры, что сопровождается нисходящей мобильностью и способствует радикализации;
- в качестве факторов повышения связанных с миграцией социальных рисков могут рассматриваться: культурная дистанция между отправляющим и принимающим сообществами; отчуждение и дискриминация мигрантов; проживание в мигрантских районах, где создаются благоприятные условия для формирования протестных контр-культур;
- перемещение в новую культурную среду вызывает у мигрантов-мусульман трансформацию и дифференциацию их восприятия ислама; у мигрантов второго и последующих поколений эти процессы

во многом связаны с отрывом от культурных корней отправляющего общества, что повышает привлекательность глобализированных форм ислама, характеризующихся отсутствием связи с какой-либо локальной культурой;

- феномен радикализации связан с неприятием мейнстримных ценностей того общества (сообщества), к которому принадлежит индивид, и не обязательно означает вовлеченность в насильственные практики.

Собственно, основная направленность исследований, проводимых научным коллективом под руководством и при активном личном участии одного из соавторов статьи, состояла в проверке данных тезисов применительно к ситуации на постсоветском пространстве. Исследования проводились в нескольких российских городах (Махачкала, Астрахань, Санкт-Петербург), а также в Казахстане на примере города Алматы. Российские исследования рассматривали процессы внутренней миграции и концентрировались в первую очередь на северокавказских мигрантах на городских территориях различного размера и статуса. Махачкала является столицей одного из северокавказских регионов - Республики Дагестан. В Астрахани и Санкт-Петербурге выходцы с Северного Кавказа выступали основным объектом исследования. В Алматы анализировалась ситуация в одном из районов с повышенной концентрацией мигрантов - была выбрана территория рядом с рынком Алтын-Орда, охватывающая городские и частично пригородные земли, куда достаточно активно переезжают жители из близлежащих территорий Алматинской области и с юга Казахстана (Данное исследование проводилось с участием Есенгали Оскенбаева, ассоциированного профессора Школы экономики и менеджмента Университета Нархоз, и Мейрмана Ауелтаева, преподавателя Гуманитарной Школы Университета Нархоз, которым авторы статьи выражают благодарность).

На всех перечисленных территориях были проведены полевые исследования, включающие глубокое погружение в жизнь соответствующих мигрантских сообществ. В процессе изучения данных сообществ комбинировались различные социологические и этнографические методы, от полуструктурированных интервью до неформальных бесед и включенных наблюдений.

Результаты исследования и их обсуждение

Поскольку в ходе проведенных исследований основное внимание обращалось на процессы внутренней миграции, первый тезис, нуждающийся в обосновании, связан с возможностью использования теоретической рамки, сформированной преимущественно для внешней миграции, характерной для западных стран, для целей настоящего анализа. Действительно, факторы, влияющие на адаптацию внешних и внутренних мигрантов, достаточно существенно различаются:

Во-первых, можно предположить, что культурная дистанция в рамках внутренней миграции в целом меньше, чем в условиях миграции внешней. Во всяком случае, для подавляющего большинства внутренних мигрантов, чтобы вписаться в новую культурную среду, не требуется изучения

иностранного языка. Общие культурные нормы нового сообщества им также обычно известны, что, однако, не означает их безоговорочного принятия.

Во-вторых, сам процесс адаптации в случае внутренней миграции сопровождается меньшими издержками. Отсутствует, в частности, сложный комплекс проблем и неопределенностей, связанных с получением легального статуса, разрешения на работу, других необходимых документов в новом обществе и преодолением связанных с этим бюрократических барьеров.

В-третьих, географически отправляющие и принимающие сообщества в условиях внутренней миграции, как правило, достаточно близки. Это упрощает предоставление помощи мигрантам (например, студентам) со стороны тех, кто остался на родине. Кроме того, если адаптироваться не удается, мигрант всегда может вернуться, на время или навсегда, что снижает психологическое давление. Такие примеры приводились, в частности, при исследовании северокавказских мигрантов в Санкт-Петербурге.

Однако результаты исследований демонстрируют, что подобные различия далеко не всегда предотвращают связанные с миграцией негативные эффекты, на которые обращают внимание проанализированные выше теории. Из исторических примеров можно упомянуть ситуацию в Москве и Санкт-Петербурге во второй половине XIX века, когда после отмены крепостного права в России начались активные урбанизационные процессы. Урбанизация в этот период сопровождалась острыми культурными конфликтами. Мигранты, не до конца оторванные от деревенских корней и не влившиеся в городскую жизнь, выходили из-под контроля традиционных институтов патриархальной семьи и общины, однако не становились носителями городской культуры. Широкое распространение среди них получили пьянство, беспорядочные сексуальные связи, кулачные бои как проявление маскулинности [15]. Сталкиваясь с разнообразными проблемами: тяжелые жилищные условия, отсутствие постоянной работы, криминализация - они ощущали отчуждение от города с его нормами и культурой. Города мигрантов в этих условиях становились благоприятной почвой для формирования контр-культур, отрицающих сами основы городской жизни, городскую систему ценностей. Хулиганство городских низов; нигилизм среди интеллигенции и студенчества; футуризм, отвергавший общепринятые эстетические нормы и позиционирующий себя как хулиганство в искусстве – во всех этих разнообразных формах проявлялся социальный хаос, привнесенный массовой урбанизацией. Причем подобные контр-культуры приобретали все более агрессивный и насильственный характер [16, 17].

Более современный, но во многом аналогичный пример - Махачкала постсоветского времени [18]. Процессы урбанизации в этот период приобрели в городе обвальный характер. С одной стороны, происходила замещающая миграция: коренные горожане (не только русские, но и образованные местные) уезжали, а их место занимали выходцы с гор. С другой стороны, территория города расплзалась, возникали мигрантские пригороды. Мигранты первого поколения испытывали значительные трудности

адаптации, часто не были способны реализовать себя в непривычных городских условиях. Среди них стали распространяться вредные привычки - алкоголизм, наркомания. Все это способствовало снижению в семьях традиционного авторитета старших. Родители - вчерашние сельские жители - не были способны передать рецепты жизненного успеха своим детям - уже горожанам. А тем приходилось строить жизненные стратегии в условиях социального хаоса (прежние городские нормы разрушились, новые не сформировались, сельские правила уже тоже не действовали) и неизбежного в таких условиях господства права сильного.

Разрыв социальных условий с предшествующим поколением, сформировавший запрос на легитимацию межпоколенческого конфликта, вместе с накоплением протестного потенциала против господствующего хаоса и несправедливости привели к широкому распространению отрицающей доминирующие ценности идеологии радикального ислама, которую можно рассматривать в этом контексте как контр-культуру. Городская молодежь, «дети улицы», не получившие особого образования и массово втянутые в криминал, постепенно воспринимали исламские идеи, способные дать им жизненные смыслы и ориентиры. Как справедливо отмечал Шиффауэр, радикальная исламская идеология выступала в двух формах - насильственной и мирной. Странники вооруженной борьбы делали ставку на насильственное установление исламского халифата, тогда как мирные радикалы считали, что необходимо обеспечить массовую поддержку исламскому правлению через исламский призыв - даават, а также социальную помощь мусульманам и защиту их прав. Причем в среде мирных радикалов существовали серьезные размежевания по вопросам восприятия светского государства и характера необходимых исламских реформ. Глобальность ислама в противовес локальной культуре предков получила в исламской среде широкое признание. Это выражалось в различных формах, в частности в отрицании необходимости изучения местных языков и предпочтении им арабского и английского. В Махачкале также сложилась своеобразная субкультура создания семьи с мусульманками другой этнической принадлежности, что вступало в жесткое противоречие с традиционно принятой в Дагестане эндогамией. Подобная установка не имела отношения к мусульманским нормам, но должна была манифестировать глобальность исламской уммы.

Таким образом, пример Махачкалы демонстрирует, что не только внешняя, но и внутренняя миграция, активное перетекание сельских жителей в города может приводить во втором поколении мигрантов к формированию протестных контр-культур, связанных в данном случае с исламской радикализацией. Причем эти контр-культуры не обязательно ограничиваются отдельными городскими районами, хотя на неблагоприятных окраинах Махачкалы они получили особое распространение. Выводы, сделанные применительно к исламской контр-культуре в контексте западных стран - о ее основных формах, о привлекательности глобального ислама в противовес культурно-специфическому - в случае Махачкалы нашли достаточно полное подтверждение. Многообразные различия исламских взглядов в радикальной среде, в первую очередь по вопросам текущего по-

зиционирования мусульман и их ближайших задач, отражают тенденцию к дифференциации и индивидуализации религиозности, хотя и несколько по-другому, чем в Европе. Означает ли это, что риски масштабной радикализации неизбежны в условиях активных урбанизационных процессов?

Исследование, проведенное в Астрахани [19], позволяет утверждать, что подобный вывод верен не всегда. На первый взгляд, миграция в Астрахань создавала чрезвычайно благоприятные условия для распространения радикальной исламской контр-культуры. В позднесоветское и особенно в постсоветское время в город массово переезжали семьи из трех дагестанских высокогорных сел, характеризующихся чрезвычайно высоким уровнем замкнутости и патриархальности. То есть культурная дистанция с городским сообществом была достаточно велика, хотя Астрахань и не являлась крупным городом. Более того, община одного из этих сел (Кванады) была расколота по религиозным вопросам, и лидер ее радикального крыла обосновался в Астрахани. Общины трех сел образовали крупный мигрантский анклав в центре города рядом с большими рынками со своей мечетью, воспринимаемой многими в городском сообществе как салафитская. Причем этот анклав имеет тенденцию к расширению. Еще один район с повышенным представительством выходцев с Северного Кавказа сложился на окраине города, в многоэтажном относительно дешевом жилье.

Однако, не смотря на имеющиеся факторы риска, процессы адаптации северокавказских мигрантов в Астрахани не вписываются в рассмотренную выше схему. Наибольшие сложности и конфликты, связанные как с участием в криминальных структурах, так и с радикальным исламом, были свойственны первому поколению дагестанских мигрантов в начальный период их адаптации. И до сих пор проблемы, если и возникают, то в основном с теми, кто недавно приехал в город - например, со студентами из Дагестана, среди которых астраханские ВУЗы пользуются высокой популярностью. Второе же поколение мигрантов уже достаточно органично вписалось в городскую жизнь. Чем же можно объяснить подобную динамику в Астрахани, столь существенно отличающую ее как от Махачкалы, так и от мигрантских анклавов в Европе? Представляется, что здесь важное значение имеют несколько причин.

Во-первых, массовый переезд жителей трех высокогорных сел в масштабе Астрахани не играл столь принципиальной роли. Численность населения города в постсоветский период росла медленно, урбанизация шла эволюционно, принципиальных этнических сдвигов не происходило. С 1989 года первые три места в населении города стабильно занимают русские, татары и казахи. Дагестанцы в совокупности, по имеющимся оценкам, вышли на четвертое место [20], но их относительная численность невелика. Тем самым инокультурная миграция в Астрахань не являлась критически важным вызовом городской культуре. Более того, для мигрантов эта культура не была полностью чуждой. У многих из них имелся опыт временного проживания в городе для ведения торговли еще в советское время, что смягчало первичный миграционный шок.

Во-вторых, дагестанские мигранты в основном не испытывали серьезной дискриминации. Толерантность и привычка к культурному разнообра-

зию отмечалась многими из них. Соблюдающие мусульмане жаловались на запрет хиджабов в школах и рейды силовиков в мечетях. Однако эти проблемы были не столь серьезны, чтобы приводить к массовому отчуждению от культурного мейнстрима. В городе созданы условия для соблюдения исламских ритуалов, функционирует 14 мечетей, имамы которых имеют некоторые различия в понимании ислама, что отражает многообразие исламского сообщества в городе. Нельзя сказать, что радикальные исламские контр-культуры вообще не присутствуют в городском культурном ландшафте, но они являются маргинальными.

В-третьих, образование рассматривается мигрантами и их потомками как реальная перспектива восходящей мобильности. Возможность получения качественного, во всяком случае по меркам Дагестана, высшего образования озвучивалась как одна из основных привлекательных черт Астрахани. В центральном мигрантском районе расположено достаточно престижный лицей, продвигающий модернистскую индивидуалистическую культуру и явно играющий роль успешного интеграционного механизма. Старшеклассники, в том числе девушки, в ходе общения делились планами продолжать образование и строить карьеру, возможно - за пределами Астрахани, чьи вузы для них уже недостаточно хороши. Преподаватели подчеркивали, что если родители многих учеников торгуют на рынке, то дети ориентированы на гораздо более высокий статус.

В-четвертых, так называемые «мигрантские районы» не стали территориями застойной бедности и социальной эксклюзии. Их жителей скорее можно отнести к среднему классу. В центральном районе улучшилось качество жилья, стоимость недвижимости здесь существенно превышает среднюю по городу. Крайний район больше похож на типичный полиэтничный мигрантский анклав с более дешевым жильем, однако проживающих здесь также нельзя отнести к социальным низам. В этих домах живут сотрудники Газпрома, чья работа считалась престижной и до последних лет хорошо оплачивалась. Молодежь района частично настроена на вертикальную, в том числе территориальную, мобильность, частично - на раннее начало трудовой деятельности и финансовую помощь семье. Оба варианта жизненных стратегий не связаны с контр-культурной ориентацией.

При этом необходимо отметить, что эволюционное встраивание в городскую среду предполагает более медленное и неравномерное размытие традиционных отношений, чем, например, в Махачкале, где радикальный ислам привел к ослаблению поколенческих иерархий и подрыву эндогамии. В Астрахани выходцы из наиболее консервативных дагестанских сел по-прежнему сохраняют обычай брать жен из своего сообщества, ограничивают образовательные и карьерные перспективы девушек (юноши как правило более свободны). Не во всех случаях образование является приоритетом, в некоторых семьях стремятся как можно раньше прекратить обучение, чтобы загрузить детей производственной либо домашней работой. Однако изменения происходят, и многие собеседники отмечали, что в перспективе ослабление патриархальных отношений неизбежно.

Итак, проведенные исследования позволяют выделить три варианта

последствий инокультурной миграции в города, создающие разные условия для распространения радикальных контр-культур:

- массовая урбанизация фактически разрушает прежнюю городскую культуру, создает предпосылки для межпоколенческого конфликта и протестных настроений, и это приводит к широкому распространению среди второго поколения мигрантов радикальных контр-культур (криминальной, исламской), по меньшей мере часть которых носит насильственный характер;
- инокультурные мигранты оседают на территориях застойной бедности и социальной эксклюзии, ощущают дискриминацию и отчуждение от культурного мейнстрима, что способствует появлению радикальных контр-культур, в том числе насильственного характера, у второго и последующих поколений мигрантов, которые социализировались в принимающем обществе и претендуют на статус его полноценных членов;
- в условиях отсутствия значимой дискриминации мигрантов, толерантности принимающего общества и превращения образования в инструмент интеграции и вертикальной мобильности адаптация второго и последующих поколений сельских мигрантов происходит более успешно даже в условиях формирования мигрантских анклавов; контр-культуры не становятся массовыми и носят маргинальный характер; в то же время традиционные отношения и определенная замкнутость мигрантских сообществ могут сохраняться достаточно долго.

Определив данную систему координат, важно понять, какой полюс в ее рамках формирует Алматы, к каким из обозначенных точек тяготеет социальная ситуация в городе, насколько велики связанные с миграцией риски. Для анализа данного вопроса летом-осенью 2025 года было проведено полевое исследование на части территории Наурызбайского района и прилегающих к нему пригородных поселков рядом с рынком Алтын-Орда. В исследование было включено 44 информанта. В основном это внутренние мигранты первого поколения молодого и среднего возраста, хотя внешняя миграция из Узбекистана и Афганистана также нашла определенное отражение. В выборку попали мигранты разного образовательного уровня, занятые на работах различной квалификации. Опрашивались как мужчины, так и женщины, хотя в выборке наблюдается некоторый сдвиг в пользу мигрантов мужского пола. Двое интервьюеров, участвовавших в полевой работе, также проживают на исследуемой территории, что позволило облегчить доступ к ее жителям и обогатить исследование большим объемом включенных наблюдений. Доступ к информантам обеспечивался в первую очередь методом «снежного кома», однако также предпринимались усилия по диверсификации входов в поле. Исследование в Алматы проводилось теми же методами, что и в Махачкале и Астрахани, что позволяет сопоставлять полученные результаты. В то же время на данном этапе оно не являлось столь масштабным, как в двух российских городах, тем самым его выводы скорее следует рассматривать как предварительные.

Результаты исследования демонстрируют, что в Алматы не просматри-

ваются предпосылки для широкого распространения протестных контр-культур. Это связано со следующими основными причинами.

Во-первых, мигранты не испытывают жестких ограничений социальной и территориальной мобильности, что выражалось, в частности, в регулярно повторяющейся в интервью характеристике Алматы как «города возможностей». Подавляющее большинство опрошенных отмечали улучшение своего материального положения в городе после тяжелого периода первичной адаптации. Истории некоторых мигрантов демонстрируют впечатляющие примеры вертикальных лифтов, связанных с полученным образованием и собственными трудовыми усилиями. Часть мигрантов не стремится к территориальной мобильности в рамках города, отмечая, что условия жизни в районе их проживания существенно улучшаются. Те же, кто хочет переехать в более «городские» районы, не упоминали о социальных барьерах для подобной мобильности.

Во-вторых, мигранты не ощущают дискриминацию как значимую жизненную трудность. Среди негативных характеристик города данная проблема не упоминалась - в основном звучали жалобы на пробки и дороговизну. При непосредственном обсуждении этого вопроса информанты либо вообще отрицали, что сталкиваются с дискриминацией, либо упоминали бытовую дискриминацию, но не дискриминацию со стороны власти либо работодателей.

В-третьих, традиционные поколенческие и гендерные иерархии, характерные для некоторых сельских районов Казахстана, в городе достаточно быстро размываются и не выступают источником протеста (как, например, это было в Махачкале). Молодые люди вполне самостоятельны в выборе жизненных траекторий, формировании кругов общения, проведении свободного времени. Ритуальное послушание, когда младшие формально спрашивают разрешение старших, но знают, что те не будут препятствовать их решениям, вытесняет отношения подчинения и контроля. Девушек, как и юношей, семьи ориентируют на карьерное продвижение, факты давления с целью раннего замужества в интервью не упоминались. Зато приводилось несколько примеров, когда девушек одних отпускали учиться за границу.

В то же время можно выделить факторы риска, способные сформировать контр-культурную ориентацию у определенных групп населения района. Одним из подобных факторов является стигматизация так называемых «квартирантов» - недавно прибывших мигрантов, арендующих жилье и недостаточно адаптированных к нормам городской жизни. С «квартирантами» связывают широкий круг негативных явлений - вандализм в отношении объектов благоустройства (дети ломают оборудование детских площадок), захламливание территорий (квартиранты не желают выбрасывать мусор в соответствии с установленными правилами), игнорирование интересов соседей, преступность. При этом ранее прибывшие и уже приспособившиеся к городским нормам мигранты не стремятся помогать «новичкам» и скорее испытывают антагонизм по отношению к ним. Это может способствовать отчужденности «квартирантов» от других групп населения и формированию среди них неприятия городской культуры. Подобные настроения нашли определенное отражение в ходе исследования.

Другим фактором риска можно считать слабость сетей поддержки. Многие информанты отмечали, что им приходилось преодолевать трудности вообще без какой-либо помощи. Если поддержка и оказывалась, то в основном со стороны членов семьи. Гораздо реже упоминалось содействие друзей и знакомых. В отдельных случаях речь шла о помощи со стороны работодателя. Ни в одном интервью не говорилось о поддержке односельчан либо организаций некоммерческого сектора. Подобная ситуация создает благоприятные условия возникновения спроса на альтернативные, в том числе контр-культурные сети поддержки (в частности, радикальные исламские).

Результаты исследования позволяют предположить, что в изучаемом районе присутствуют как криминальная, так и радикальная исламская контр-культуры, однако они носят маргинальный характер. Некоторые характеристики поведения молодежи - особый стиль одежды, демонстративное игнорирование мейнстримных культурных норм - могут также свидетельствовать о наличии протестных молодежных субкультур.

Заключение

Мировой опыт демонстрирует, что массовые миграционные процессы, в том числе связанные с урбанизацией - перетеканием сельского населения в города - могут иметь многообразные экономические и социальные последствия и сопровождаются определенными рисками. Эти риски определяются сложностями в адаптации и аккультурации мигрантов, дискриминацией со стороны принимающего общества, возникновением протестных контр-культур в так называемых «мигрантских анклавах».

Представленные в статье исследования показали, что подобные риски могут быть связаны не только с внешней, но и с внутренней миграцией, несмотря на то, что в последнем случае издержки адаптации меньше и миграционный шок может быть не столь силен. Массовый приток сельчан в города способен привести к подрыву основ городской культуры, отчуждению «новых горожан» от культурного мейнстрима, распространению протестных настроений, формированию разнообразных контр-культур. Для современных примеров подобного рода характерна «исламизация протеста» - в качестве доминирующей контр-культуры выступает радикальный ислам.

В то же время результаты исследований дают основания для вывода, что данные риски реализуются не всегда. Отсутствие системной дискриминации мигрантов; наличие для них каналов вертикальной мобильности, связанных в первую очередь с образованием; возможности территориальной мобильности; улучшение жилищных и социальных условий в мигрантских районах - все это уменьшает связанные с урбанизацией проблемы и позволяет процессам адаптации и аккультурации мигрантов протекать более успешно. Протестные контр-культуры в подобных условиях, даже если они возникают, носят маргинальный характер.

Итоги полевого исследования одного из районов Алматы, где массово селятся мигранты, позволяют предположить, что доминирующими среди них являются жизненные стратегии, связанные с вертикальной мобиль-

ностью, нацеленностью на образование и карьеру. Поступление в высшие учебные заведения является значимой мотивацией для миграции, студенты достаточно успешно встраиваются в городскую среду. Надежды на «лучшую жизнь» в значительной мере оправдываются - мигранты воспринимают Алматы как «город возможностей» и не считают дискриминацию значимым барьером для продвижения. В подобных условиях нет предпосылок для формирования массовой социальной базы протестных контр-культур. Подобные контр-культуры носят маргинальный характер. Однако стигматизация так называемых «квартирантов» - недавно прибывших мигрантов, арендующих жилье - создает определенные риски их отчуждения от городской культуры. Также слабость существующих сетей поддержки может усилить спрос на альтернативные сети, в том числе радикальные исламские.

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН АР23489903 «Влияние урбанизации на радикализацию исламского фундаментализма на примере Алматы: угрозы и меры противодействия» программно-целевого финансирования на 2024-2026 годы, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 года [Электронный ресурс]: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstv-nogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145>.
2. Portes A., Rumbaut R.G. (2001). Legacies: The story of the immigrant second generation. Berkley: University of California Press.
3. Portes A., Zhou M. (1993). The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 530 (1), 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.
4. Zhou M. (1997). Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation. The International Migration Review, 31(4), 975–1008. <https://doi.org/10.1177/019791839703100408>.
5. Habecker S. (2017). Becoming African Americans: African Immigrant Youth in the United States and Hybrid Assimilation. Journal of Pan African Studies, 10(1), 55–75.
6. Stepick A., Stepick C. D. (2010). The Complexities and Confusions of Segmented Assimilation. Ethnic and Racial Studies, 33 (7), 1149–1167. <https://doi.org/10.1080/01419871003599518>.
7. Nielsen J. (2007). The question of Euro-Islam: restriction or opportunity? // Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence / Aziz al-Azmeh and Effie Fokas (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. - P. 34-48.
8. Roy O. (2004). Globalized Islam: The Search for a New Ummah. New York: Columbia University Press. - 320 p.
9. Schiffauer W. (2007). From exile to diaspora: the development of transnational Islam in Europe // Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence / Aziz al-Azmeh and Effie Fokas (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. - P. 68-95.
10. Andersen H. S. (2017). Selective Moving Behaviour in Ethnic Neighbourhoods: White Flight, White Avoidance, Ethnic Attraction or Ethnic Retention? Housing Studies, 32(3), 296– 318. <https://doi.org/10.1080/02673037.2016.1208161>.

11. Müller T. S., Grund T. U., Koskinen J. H. (2018). Residential Segregation and 'Ethnic Flight' vs. 'Ethnic Avoidance' in Sweden. *European Sociological Review*, 34 (3), 268–285. <https://doi.org/10.1093/esr/jcy010>.
12. Варшава Е. А, Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С.. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. - М.: Издательский дом «Дело», 2021. - 226 с.
13. Деминцева Е.Б. Создавая «гетто»: социальные кварталы Франции и их обитатели (1960-2010) // Вестник Томского государственного университета. - 2015. - № 398. - С. 105-112. DOI 10.17223/15617793/398.
14. Стародубровская И., Исабаев Э. Что знает и чего не знает наука о процессах исламской радикализации // Аль-Фараби. - 2024. - Т. 87. - № 3. - С. 67–85. <https://doi.org/10.48010/2024.3/1999-5911.07>.
15. Brower D.R. (1990). *The Russian City Between Tradition and Modernity, 1850-1900*. Berkeley: University of California Press. - 281 p.
16. Neuberger J. (1993). *Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900-1914*. Berkeley: University of California Press. - 324 p.
17. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. - М. - 1909. - С. 146-181.
18. Стародубровская И. В., Идрисов Э. Ш., Казенин К. И. Адаптация мигрантов из сельской местности Дагестана в Махачкале и Астрахани: причины различий // Демографическое обозрение. - 2022. - Т. 9. - № 2. - С. 22-41. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16204>.
19. Казенин К. И., Стародубровская И. В. Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2021. - № 4. - С. 405—428. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901>.
20. Сызранов А. В. Этническая ситуация в Астраханской области: история и современность // Политическое образование - 2016. [Электронный ресурс]: <http://awinrussia.ru/content/syzranov-av-etnicheskaya-situaciya-v-astrahanskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost>.)

References

1. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana "Kazakhstan v epohu iskustvennogo intellekta: aktualniye zadachi i ih resheniya cherez tsifrovuyu transformatsiyu" [President Kassym-Jomart Tokayev's State of the Nation Address to the People of Kazakhstan "Kazakhstan in the Era of Artificial Intelligence: Current Challenges and Solutions through Digital Transformation"] ot 8 sentibrya 2025 goda [Elektronniy resurs]: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformatsiyu-885145>.
2. Portes A., Rumbaut R.G. (2001). *Legacies: The story of the immigrant second generation*. Berkley: University of California Press.
3. Portes A., Zhou M. (1993). The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 530 (1), 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.
4. Zhou M. (1997). Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation. *The International Migration Review*, 31(4), 975–1008. <https://doi.org/10.1177/019791839703100408>.
5. Habecker S. (2017). Becoming African Americans: African Immigrant Youth in the United States and Hybrid Assimilation. *Journal of Pan African Studies*, 10(1), 55—75.
6. Stepick A., Stepick C. D. (2010). The Complexities and Confusions of Segmented Assimilation. *Ethnic and Racial Studies*, 33 (7), 1149—1167. <https://doi.org/10.1080/01419871003599518>.
7. Nielsen J. (2007). The question of Euro-Islam: restriction or opportunity? // *Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence / Aziz al-Azmeh and Effie Fokas (ed.)*. Cambridge: Cambridge University Press. - P. 34-48.
8. Roy O. (2004). *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press. - 320 p.

9. Schiffauer W. (2007). From exile to diaspora: the development of transnational Islam in Europe // *Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence* / Aziz al-Azmeh and Effie Fokas (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. - P. 68-95.
10. Andersen H. S. (2017). Selective Moving Behaviour in Ethnic Neighbourhoods: White Flight, White Avoidance, Ethnic Attraction or Ethnic Retention? *Housing Studies*, 32(3), 296– 318. <https://doi.org/10.1080/02673037.2016.1208161>.
11. Müller T. S., Grund T. U., Koskinen J. H. (2018). Residential Segregation and 'Ethnic Flight' vs. 'Ethnic Avoidance' in Sweden. *European Sociological Review*, 34 (3), 268–285. <https://doi.org/10.1093/esr/jcy010>.
12. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Andreeva A.S. Migranty v rossiyskih gorodakh: rasseleniye, kontsentratsiya, integratsiya. [Migrants in Russian cities: settlement, concentration, integration] - M.: Izdatelskiy Tom "Delo", 2021. - 226 s.
13. Demintseva E.B. Sozdavaya "ghetto": sotsialniye kvartali Frantsii i ih obitateli (1960-2010) [Creating "ghettos": French banlieues and their inhabitants (1960-2010)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. - 2015. - № 398. - S. 105-112. DOI 10.17223/15617793/398.
14. Starodubrovskaya I., Isabaev E. Chto znaet i chego ne znaet nauka o protsessah islamskoy radikalizatsii [What science knows and what does not know about Islamic radicalization processes] // *Al'-Farabi*. - 2024. - T. 87. - № 3. - S. 67–85. <https://doi.org/10.48010/2024.3/1999-5911.07>.
15. Brower D.R. (1990). *The Russian City Between Tradition and Modernity, 1850-1900*. Berkeley: University of California Press. - 281 p.
16. Neuberger J. (1993). *Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900-1914*. Berkeley: University of California Press. - 324 p.
17. Frank S.L. *Etika nigilizma [Ethics of nihilism]* // *Vehi: Sbornik statey o russkoy intelligentsii [Milestones: collection of essays about Russian intelligentsia]*. - M.: 1909. S. 146-181.
18. Starodubrovskaya I.V., Idrisov E.Sh., Kazenin K.I. Adaptatsiya migrantov iz selskoy mestnosti Dagestana v Makhachkale i Astrahani: prichiny razlichiy [Adaptation of migrants from rural areas of Dagestan in Makhachkala and Astrakhan: causes of differences] // *Demograficheskoye obozreniye*. - 2022. - T. 9. - № 2. - S. 22-41. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16204>.
19. Kazenin K.I., Starodubrovskaya I.V. Dagestanskiye migranty v Astrahani: opit issledovaniya integratsii [Dagestaniyan migrants in Astrakhan: a study of integration process] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskoye i sotsialniye peremeny* - 2021. - № 4. - S. 405—428. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901>.
20. Sizranov A.V. *Etnicheskaya situatsiya v Astrakhanskoy oblasti: istoriya i sovremennost'* [Ethnic situation in Astrakhan region: history and present] // *Politicheskoye obrazovaniye* - 2016. [Elektronniy resurs]: [http://lawinrussia.ru/content/syzranov-av-etnicheskaya-situatsiya-v-astrakhanskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost'](http://lawinrussia.ru/content/syzranov-av-etnicheskaya-situatsiya-v-astrakhanskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost).

Материал поступил в редакцию 06.10.2025

Утвержден к публикации 18.12.2025